

I

Весьма загадочные события произошли прошлым летом в маленьком норвежском городке на побережье. Неожиданно для всех там появился какой-то странный тип, некто Нагель, натворил невесть что и исчез так же внезапно, как и прибыл. Однажды к нему даже приехала таинственная молодая дама, одному Богу известно зачем, и уехала спустя несколько часов, не решаясь, видимо, дольше задерживаться. Впрочем, все началось не с этого...

Все началось с того, что часов в шесть вечера к пристани причалил пароход, и на палубу вышли несколько пассажиров, среди них — господин в желтом костюме и белой бархатной кепке. Это было несомненно 12 июня, потому что на многих домах в тот день развевались флаги по случаю помолвки фрекен Хьеллан, а об этой помолвке объявили именно 12 июня. Посыльный гостиницы «Централь» быстро поднялся на борт, и пассажир в желтом костюме указал ему на свой багаж; потом он предъявил билет боцману, стоявшему у трапа, но, вместо того чтобы сойти на берег, принялся расхаживать взад-вперед по палубе. Видно было, что он сильно взволнован.

И только когда пароход прогудел третий раз, господин в желтом костюме спохватился, что еще не заплатил по счету в ресторане.

Он побежал было расплачиваться и вдруг заметил, что пароход уже отвалил от причала. На мгновение он застыл в растерянности, но тут же помахал посыльному и крикнул, подойдя к перилам палубы:

— Ладно, доставьте мои вещи в гостиницу и приготовьте мне номер!..

А пароход тем временем шел в глубь фьорда.

Человека в желтом костюме звали Юхан Нильсен Нагель.

Посыльный погрузил на тележку его багаж, состоявший всего-навсего из двух небольших чемоданов и шубы — да, шубы, хотя лето было в разгаре, — а кроме того, саквояжа и скрипки. Ни на одной из вещей не было монограммы владельца.

На другой день около полудня Юхан Нагель подкатил к гостинице в карете, запряженной парой лошадей. С тем же успехом он мог бы вернуться пароходом, это было бы даже куда удобнее, но он почему-то предпочел карету. При нем оказался еще кое-какой багаж: на переднем сиденье стоял чемодан, а рядом лежали дорожная сумка, пальто и портплед, набитый какими-то вещами. На ремнях, стягивающих портплед, были вытиснены инициалы Ю. Н. Н.

Еще не успев выйти из кареты, он спросил хозяина гостиницы, приготовлен ли для него номер, а когда его отвели на второй этаж, он тут же принялся

осматривать стены комнаты, выясняя, достаточно ли они толсты и не будет ли до него доноситься шум от соседей. Потом он вдруг спросил служанку:

— Как вас зовут?

— Сара.

— Сара. — И тут же: — Я могу здесь перекусить? Так вас, значит, зовут Сара. Послушайте, — продолжал он, — не была ли в этом доме прежде аптека?

— Была, но много лет тому назад.

— Так, так... Много лет тому назад, говорите. Да, здесь была аптека, я понял это, как только вошел в коридор. Не то чтобы я уловил какой-то запах, но все же как-то сразу почувствовал... Да, да.

Во время еды он не проронил ни единого слова. Те два господина, которые накануне вечером вместе с ним прибыли сюда на пароходе, а теперь сидели за дальним концом стола, перемигнулись и даже позволили себе пошутить над его вчерашней незадачей, но он сделал вид, что ничего не слышит. Он быстро поел, отрицательно покачал головой, когда ему подали десерт, и вдруг, повернувшись винтом, стремительно вскочил. Затем он порывисто закурил сигару, выбежал на улицу и исчез.

Отсутствовал он очень долго и вернулся в гостиницу поздно ночью, за несколько минут до того, как часы пробили три. Где он был? Позже выяснилось, что он ходил в соседний городок и проделал пешком, причем туда и обратно, весь тот долгий путь, который в то же утро проехал в карете. Вероятно, у него там было неотложное дело. Когда Сара отворила ему дверь, она увидела, что он весь взмок от пота. Все

же он улыбнулся девушке и явно был в превосходном настроении.

— Бог мой, какой у вас роскошный затылок, детка! — воскликнул он. — Не приносили ли мне, пока я отсутствовал, почту? Нагелю, Юхану Нагелю? Ух ты! Сразу три телеграммы! Послушайте, сделайте мне личное одолжение: уберите, пожалуйста, вон ту картину, чтобы она не мозолила мне глаза. Такая тоска лежать в постели и все время на нее глядеть. Ведь у Наполеона III вовсе не было зеленой бороды. Премного благодарен!

Когда Сара вышла, Нагель остановился посреди комнаты. Он стоял не двигаясь. Отсутствующим взглядом уперся он в одну точку на стене. Он словно застыл, и только голова его все больше и больше склонялась набок. Так простоял он очень долго.

Роста Нагель был ниже среднего, лицом смугл, а его странный тяжелый взгляд не вязался с тонко очерченным женственным ртом. Был он широкоплеч, на вид лет двадцати восьми — тридцати. Во всяком случае, никак не старше тридцати, хотя виски его уже были чуть тронуты сединой.

И вдруг, разом, Нагель очнулся от своей задумчивости; движение, которое он при этом сделал, было таким неестественно резким, что выглядело нарочитым; можно было подумать, будто он так долго пребывал в оцепенении только для того, чтобы как можно более эффектно из него выйти, хотя и был один в комнате. Затем он вынул из кармана брюк ключи, мелочь и какую-то медаль на жалкой ленточке, вроде тех, что дают за спасенье на водах, все

эти предметы он разложил на тумбочке возле кровати, а бумажник сунул под подушку, потом извлек из кармана жилета часы и пузырек с наклейкой «Яд». Прежде чем положить часы на тумбочку, он с минуту держал их на ладони, но пузырек поспешно снова сунул в карман. Потом снял с пальца кольцо и умылся; волосы он небрежно откинул назад рукой, причем в зеркало даже и не взглянул.

Нагель уже лежал в постели, когда вдруг спохватился, что оставил кольцо на умывальнике; он тут же вскочил, словно не мог обойтись без этого грошового железного колечка, и надел его на палец. Наконец он распечатал все три телеграммы, но не успел дочитать до конца и первой, как у него вырвался короткий глухой смешок. Так он лежал один в комнате и смеялся. Зубы у него были на редкость красивые. Потом его лицо стало снова серьезным, и он отшвырнул все три телеграммы с полнейшим равнодушием. В них говорилось, однако, о весьма важном деле, речь шла ни много ни мало о шестидесяти двух тысячах крон за имение, более того, предлагалось выплатить всю эту сумму незамедлительно и наличными в случае, если сделка состоится безотлагательно. В этих сухих кратких деловых телеграммах решительно не было ничего смешного; ни под одной из них не стояло подписи. Спустя несколько минут Нагель уже спал. Две свечи, которые он забыл погасить, освещали его грудь и гладко выбритое лицо, неяркий свет падал и на распечатанные телеграммы, валявшиеся на столе...

На другое утро Юхан Нагель отправил посыльного на почту, и тот принес ему пачку газет, в том

числе и иностранных. Но писем не было. Футляр со скрипкой Нагель положил на стул посреди комнаты, словно специально для того, чтобы все обращали на него внимание, но футляр он так и не раскрыл и к инструменту не притронулся.

Все утро он ничем не занимался, не считая того, что писал письма да читал какую-то книгу, расхаживая взад-вперед по комнате. Потом он вышел на улицу и купил в соседней лавчонке пару перчаток, а когда случайно забрел на рынок, отдал десять крон за рыжего щенка, которого тут же преподнес хозяину гостиницы. Щенка он, всем на потеху, назвал Якобсеном, несмотря на то что щенок этот оказался к тому же сучкой.

Таким образом, весь день он, собственно говоря, ничем не был занят. Дел в городе у него никаких не было, визитов он никому не наносил, ничьих контор не посещал и, видно, не знал здесь ни души. В гостинице были несколько удивлены его явным равнодушием ко всему, даже к своим личным делам. Все три телеграммы по-прежнему валялись распечатанными на столе в его номере — он не прикоснулся к ним с того вечера, как их получил. Умел он также не отвечать на прямой вопрос. Хозяин дважды пытался выяснить у него, кто он такой и для чего пожаловал к ним в город, но оба раза Нагель уклонился от ответа. В этот день разнесся слух еще и о другой его странной выходке. Хотя он в городе ни с кем не был знаком, он позволил себе остановиться у кладбищенских ворот перед одной из здешних молодых барышень и очень низко ей поклонился, чем заставил ее густо по-

краснеть. После этого дерзкий незнакомец, ни словом не объяснив своего странного поведения, свернул на проезжий тракт, миновал пасторскую усадьбу и углубился в лес. Впрочем, этот путь он проделывал и все последующие дни. И с этих прогулок он так поздно возвращался в гостиницу, что всякий раз для него приходилось отпирать уже запертые на засов двери.

На третий день утром, как раз когда Нагель выходил из своего номера, его остановил хозяин гостиницы, учтиво поклонился ему и сказал несколько любезных слов. Они вместе проследовали на веранду, сели друг против друга, и хозяин завел разговор о том, что намерен послать в другой город ящик свежей рыбы.

— Не посоветуете ли вы мне, как лучше всего отправить этот ящик?

Нагель взглянул на ящик, улыбнулся и покачал головой.

— Увы, я не разбираюсь в таких делах, — ответил он.

— Жаль. А я думал, что вы много путешествуете и знаете, как это обычно делается.

— О нет, что вы, я совсем мало путешествую.

Пауза.

— Видимо, вы занимаетесь... э... другими вещами. Вы коммерсант?

— Нет, я не коммерсант.

— Выходит, не дела привели вас в наш город?

Ответа не последовало. Нагель закурил сигару; он не спеша выпускал дым и глядел на небо. Хозяин наблюдал за ним.

— Не поиграете ли вы нам как-нибудь? Я видел у вас скрипку, — сказал хозяин, пытаясь снова завязать разговор.

— Нет, я давно не играю, — равнодушно ответил Нагель.

Вслед за этим он, не произнеся больше ни слова, встал и ушел. Но минуту спустя он вернулся и сказал:

— Послушайте, я вот о чем подумал: вы можете дать мне счет, когда пожелаете. Мне решительно все равно, когда платить.

— Благодарю вас, но это не к спеху, — ответил хозяин. — Если вы к нам надолго приехали, мы сделаем скидку. Я ведь не знаю, намерены ли вы здесь задержаться или нет.

Нагель вдруг оживился и поспешно ответил, причем лицо его безо всякой видимой причины вдруг слегка покраснело.

— Да, не исключено, что я проживу здесь некоторое время, — сказал он. — Все зависит от обстоятельств. А ргорос, я, возможно, вам еще этого не говорил: я агроном, сельский житель, сейчас возвращаюсь из путешествия, и вполне вероятно, что задержусь здесь у вас. Возможно также, я забыл вам представиться... Зовут меня Нагель, Юхан Нильсен Нагель.

При этом он подошел к хозяину, сердечно пожал ему руку и попросил извинить за то, что еще до сих пор не представился. На лице его не было и тени иронии.

— Мы могли бы вам предложить лучшую, более тихую комнату. Ведь ваш номер — у самой лестницы, это не всегда приятно.

— Нет, премного благодарен, в этом нет нужды. Комната у меня прекрасная, я вполне ею доволен. К тому же окно выходит на рынок, а это весьма забавное зрелище.

Хозяин помолчал немного и сказал:

— Значит, вы располагаете временем. Как я понял, вы намерены прожить здесь, уж во всяком случае, все лето?

— Два-три месяца наверняка, а быть может, дольше. Точно я сам еще не знаю. Все зависит от обстоятельств. Поживем — увидим.

Тут мимо них прошел какой-то человек и поклонился хозяину гостиницы. Вид у этого человека был жалкий; он был очень мал ростом и крайне бедно одет. Казалось, он хромал на обе ноги, и каждый шаг давался ему с величайшим трудом, но все же передвигался он довольно быстро. Хотя он и поклонился очень низко, хозяин в ответ даже не поднял руки, чтобы коснуться своей шляпы. Нагель, напротив, тут же снял свою бархатную кепку.

Хозяин взглянул на Нагеля и объяснил:

— Этого человека у нас прозвали Минутка. Он малость тронутый, но его очень жалко, в сущности, это добрейшая душа.

Вот и все, что было сказано тогда о Минутке.

— Я прочел, — начал вдруг Нагель, — несколько дней назад я прочел в газете, что где-то здесь в лесу нашли мертвеца. Кто был этот несчастный? Его фамилия Карлсен, если я не ошибаюсь? Он что, местный?

— Да, — ответил хозяин, — он сын одной здешней женщины, которая ставит больным пиявки, вон их

красная крыша, там, внизу. Он приехал домой на ка-
никулы и вдруг, ни с того ни с сего, наложил на себя
руки. Это весьма прискорбно — юноша подавал боль-
шие надежды и вот-вот должен был стать пастором.
Не знаешь, что и подумать, как-то не все тут до конца
ясно. У него перерезаны вены на обеих руках, по-
этому в несчастный случай поверить трудно. Теперь
нашли и нож, маленький перочинный ножик с белой
ручкой. Полиция отыскала его только вчера поздно
вечером. Скорей всего какая-то любовная история.

— Вот как? Да неужели еще кто-нибудь сомнева-
ется в том, что это самоубийство?

— Всегда надеешься на лучшее. Я хочу сказать,
что есть люди, которые придумали такое объясне-
ние: дескать, шел он, держа в руках раскрытый но-
жичек, споткнулся и упал, да так неудачно, что вспо-
рол себе вены на обеих руках. Ха, ха, ха! Я полагаю,
что в это трудно поверить, весьма трудно поверить.
Но его, конечно, похоронят на кладбище. Нет, ма-
ловероятно, что он просто споткнулся.

— Вы сказали, нож нашли только вчера вечером.
Разве он не лежал рядом с покойником?

— Нет, он валялся в нескольких шагах. Бедняга,
должно быть, отшвырнул его прочь, распоров себе
вены. Этот ножик нашли совершенно случайно.

— Вот как! Но какой ему был резон швырять нож,
если он лежал со вскрытыми венами, ведь и так каж-
дому понятно, что это невозможно сделать без ножа.

— Да, одному только Богу известно, что у него
было тогда на уме. Но как я вам уже говорил, это
скорей всего какая-то любовная история. Сущее

безумие! Чем больше я об этом думаю, тем ужаснее мне все это представляется!

— А почему вы считаете, что это любовная история?

— По многим причинам. Впрочем, утверждать здесь что-либо определенное трудно.

— А разве нельзя допустить, что он упал, ненароком споткнувшись? Ведь он лежал в такой дикой позе — ничком, лицом в луже, если я не ошибаюсь.

— Да, и он был весь в грязи. Но это еще ни о чем не говорит. Быть может, он хотел таким образом скрыть следы предсмертных мук на своем лице? Как знать...

— А он не оставил какой-нибудь записки?

— Он как будто на ходу писал что-то; moreover, он частенько делал какие-то заметки, прогуливаясь по этой дороге. Вот люди и думают, что он раскрыл перочинный ножичек, чтобы очинить карандаш, или что-нибудь в этом духе, но споткнулся и упал, полоснув себя при этом ножиком сперва по одной руке, а потом и по другой, причем оба раза аккуратно у пульса, и все это в один и тот же миг! Ха-ха-ха! Но что-то вроде записки он все-таки оставил — в сжатом кулаке у него оказался клочок бумаги, на котором было написано: «Пусть будет сталь твоя такую же разящей, как «нет» последнее твое».

— Что за чушь! А ножик был тупой?

— Да, тупой.

— Почему же он заранее его не наточил?

— Потому что это был не его нож.

— А чей же?

Хозяин медлит, но потом все же отвечает:

— Это был нож фрекен Хьеллан.

— Фрекен Хьеллан? — переспрашивает Нагель и, помолчав, снова задает вопрос: — Ну а кто такая фрекен Хьеллан?

— Дагни Хьеллан, дочь нашего пастора.

— Вот как! Любопытно. Кто б мог подумать! Что, этот юноша был так сильно в нее влюблен?

— Да что и говорить! Впрочем, в нее все влюблены, не он один.

Нагель погружается в свои мысли и больше ничего не спрашивает. Тогда хозяин прерывает молчание:

— То, что я вам сейчас рассказал, тайна, и я прошу вас...

— Да, да, конечно, — перебивает его Нагель. — Вы можете быть совершенно спокойны.

Когда Нагель вскоре после этого разговора пошел завтракать, хозяин уже стоял посреди кухни и хвастался, что ему удалось наконец-то толком поговорить с желтым господином из седьмого номера. Он агроном, сообщил хозяин, и только что вернулся из заграничного путешествия, говорит, что собирается прожить здесь несколько месяцев, в общем, бог его знает что это за человек.

II

Вечером того же самого дня случилось так, что Нагель познакомился с Минуткой. Между ними произошел нудный нескончаемый разговор, длился он битых три часа, не меньше. Вот как все это было, от начала и до конца.

Юхан Нагель сидел в кафе гостиницы и просматривал газету, когда в зал вошел Минутка. Другие столики тоже были заняты. За одним сидела грузная крестьянка с красно-черной вязаной шалью на плечах. По всей видимости, Минутку здесь хорошо знали, и хотя он вежливо поклонился во все стороны, присутствующие встретили его громкими возгласами и смехом. Даже крестьянка поднялась со своего места и сделала вид, будто хочет пуститься с ним в пляс.

— В другой раз, в другой раз, — бормочет он, уклоняясь от приглашения, и, направившись прямо к хозяину, обращается к нему, теребя в руках шапку: — Я перетаскал уголь наверх, на кухню. Верно, сегодня уже нет больше работы?

— Конечно, нет, какая еще может быть работа сегодня?

— Конечно, нет, — повторяет Минутка и боязливо пятится.

Он был на редкость уродлив. Правда, у него были кроткие голубые глаза, но отвратительные передние зубы устрасшающе торчали из-под губы. Особо отталкивающее впечатление производила его дергающаяся походка — результат давнего увечья. Волосы у него были с сильной проседью, а борода еще темная, но такая редкая, что сквозь нее просвечивала кожа. В прошлом этот человек был моряком, а теперь жил у родственника, который держал небольшую торговлю углем у пристани. Минутка почти никогда, а может быть, и вообще никогда не поднимал глаз на того, с кем говорил.